

4. Stiftung deutsch-russischer Jugendaustausch gGmbH i.Gr.
(Kooperation mit Bund, Ostausschuß der deutschen Wirtschaft)

- „Public Private Partnership“ zur Errichtung einer Stiftung mit dem Auftrag der Intensivierung und Ausweitung des Schüler-Jugendaustauschs (schulisch, außerschulisch, berufsbildend) zwischen Deutschland und Rußland
- Koordinierungsbüros in Deutschland und Rußland Sitz: Hamburg, Petersburg / Moskau
- Regierungsabkommen 21.12.2004.
- Eröffnung September 2005
- Budget jeweils 4 Mio Euro im Jahr von deutscher und russischer Seite

5. Robert Bosch Kulturmanager in Arabien

(Kooperation mit dem Goethe-Institut)

- Entsendung von Kulturmanagern an Dialogpunkte des Goethe-Instituts in Nordafrika und dem Nahen Osten für 2-3 Jahre
- Kooperation zum Aufbau tragfähiger Strukturen für einen deutsch-islamischen Dialog
- Ziele: Angebote zur deutschen Kultur und Fortbildung im Kultur- und Bildungsmanag.
- Einsatzorte:

Tschernowitz (UA) Klausenburg (RO) Temeswar (RO) Hermannstadt (RO) Odessa (UA) Nidden (LT) Klaipeda (LT) Agnetendorf (PL) Breslau (PL) Allenstein (PL) Pécs (HU) Dorpat (EST) Daugavpils (LV) Kaunas (LT) Kaschau (SK) Banská Bystrica (SK) Warschau (PL), Stiftungslehrstuhl am Europakolleg Natolin).

Потолков Ю. В. (БрГУ им. А. С. Пушкина)

НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЕ ПОИСКИ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУР XX ВЕКА

Сложность политических и межгосударственных взаимоотношений России и Германии в ушедшем столетии вроде бы ставит под вопрос саму идею близости двух великих литератур в их нравственно-философских поисках. Однако проблема видится по-иному, если определиться с гуманистическими позициями её изучения.

Перед всеми народами планеты (вне зависимости от конкретно-исторических обстоятельств) стояла и стоит одна и та же стратегическая, генеральная задача. Суть задачи такова: духовное и, как следствие, физическое выживание вида homo sapiens в космосе.

В статье «Партийная организация и партийная литература» В. И. Ленин отметил: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Исходя из этого силлогизма, можно было бы утверждать, что русская и германская культуры в XX веке противостояли друг другу – нравственно и философски. Одной были близки идеи Фр. Ницше, проистекали из воспевания сильной личности в «Песне о Нибелунгах», другой были близки гуманистические традиции русского критического реализма XIX века.

Но мысль об отдалённости нравственно-философских поисков двух литератур окажется необидительной, если мы обратим внимание на то, что приведённые выше слова В.И. Ленина, при всей их справедливости, достаточно локальны. Сообщество людей – лишь малая часть биосферы и не может исчерпывать собою всех процессов, происходящих в природе как окружающей нас, так и проявляющей себя во внутренней жизни каждого из индивидуумов. Поэтому, на наш взгляд, ленинский тезис необходимо дополнить следующим: «жить в космосе и быть свободным от космоса нельзя». При этом выражение «общечеловеческое» следует воспринимать как часть феномена, имя которому – социоприродность, антропокосмичность.

Исходя из сказанного, следует подчеркнуть, что на уровне социоприродности литература выступает как явление субстанциональное, то есть непреднамеренное, самодостаточное, а, следовательно, запредельное художественным интенциям писателей.

То есть, говоря о нравственно-философских поисках литератур, мы имеем в виду именно литературы, а не литераторов. Вследствие этого возникает необходимость говорить о проявлении в словесном искусстве таких бытийных универсалий, как архетип и топос, которые, как известно, выражают не личные интенции мастеров слова, а спонтанно складывающиеся (и поэтому воплощающиеся в художественном образе) настроения общества.

Итак, можно предположить, что нравственно-философские поиски русской и немецкой литератур в XX веке были едины в смысле поисков путей к духовному выживанию человечества. Для подтверждения высказанной гипотезы обратимся к материалу литературных произведений.

В романе Г. Владимова «Генерал и его армия» (1994) среди прочих персонажей представлен командир 2-й танковой армии гитлеровских войск Хайнц Гудериан. Ему поручено совершить последний, решающий танковый бросок на Москву. Вследствие этого удара, как предполагает германское военное руководство, столица СССР падёт. Однако Гудериан от броска отказывается. Существуют различные исторические объяснения этого решения. Но писатель выдвигает свою версию.

Фашистский генерал представлен в Ясной Поляне сидящим за столом Льва Толстого и читающим «Войну и мир». Чтение приводит гитлеровского стратега к выводу, что не только М.И. Кутузов со своей армией победил Наполеона. «Сумасбродная графинечка» Наташа Ростова и многие, подобные ей, словом, весь народ, ковали победу над врагом.

В эту ночь Гудериан понял, что Наташу Ростову ему не победить, и отдал первый за весь «блицкриг» приказ об отступлении. Фашист понял, что после слов И.В. Сталина «братья и сестры!» Германии «противостояла уже не Совдепия с её усилением классовой борьбы, противостояла Россия» [1, 15]. Тогда Гудериан вспомнил «нелогичную» Брестскую крепость и понял, что ещё тогда, в июне 1941 года, ему нужно было понять урок истории.

Таким образом, ясно, что нравственно-философские поиски Льва Толстого и мысли немецкого военного теоретика совпали на уровне того духовного выживания, о котором шла речь выше. Важно при этом подчеркнуть, что описание эпизода с Гудерианом возникло в романе, написанном в конце XX века. Это означает, что проблема взаимоотношений российской и германской культур приобретает в наше время новую, особую актуальность.

Мнение Льва Толстого в романе Г. Владимова выступает как выражение бытийного начала, а именно архетипа Великой Матери, патриотического, гражданственного, родительского начала в личностном менталитете индивида. Согласно формулировке Карла Юнга, архетип – это «коллективное бессознательное». Материнское содержание в мировой литературе и в психике человечества не приемлет никакого насилия. Именно это обстоятельство определило ведущее, типическое настроение и немецкой литературы XX века.

В подтверждение такого вывода можно обратиться к нравственной ситуации, представленной в стихотворении Бертольда Брехта «Баллада о солдате». Моральные взаимосвязи между архетипическим и конкретно-историческим представлены здесь со всей очевидностью:

1

– Тебя пули сразят, тебя пики пронзят,
И поглотит река без возврата.
Пропадешь среди льда! Не ходи никуда! –
Мать говорила солдату.

2

Но засмеялся солдат ей в ответ:
– Нет уж, спасибо тебе за совет!
Дальние страны богаты.
Всех победим и на все поглядим,
И домой возвращусь я с войны невредим –
Вот тебе слово солдата! [2, 100].

Образы «мать» и «солдат» выступают в данном случае как кодовые знаки двух взаимоисключающих моральных позиций. Но направлены эти позиции к решению одной и той же жизненной проблемы, а именно, проблемы выживания. Стихотворение завершается сообщением о бесславной гибели солдата и убеждённости, что матери не устанут удерживать своих сыновей от участия в завоевательных войнах.

Приведённые примеры доказывают, что обе литературы в своем самодостаточно гуманистическом движении устремлялись к одному и тому же нравственно-философскому идеалу. Этот идеал можно определить как сопереживание или эмпатия.

Термин «сопереживание», понятый как художественно-образная парадигма добра, требует определённых комментариев. Сопереживание не синонимично понятию «сострадание», хоть и близко к нему. Оно предполагает равноправный и взаимоуважительный нравственный диалог двух духовных личностей, находящихся в близких по содержанию обстоятельствах. Сопереживание может выразиться в возгласе: «Как я тебя понимаю!».

Изначально нравственные интенции Хайнца Гудериана из романа Г. Владимова «Генерал и его армия» и Солдата из стихотворения Б. Брехта «Баллада о солдате» воплощают в себе деструктивный взгляд на действительность. Они начинают свой путь с отказа от сопереживания и поэтому получают возмездие.

XX век воплотил в мировой литературе среди прочих типов образ человека, «растворившегося» в общественной идее. Как показала действительность, «раствориться» в общественной идее можно только в некоторой степени. От своей личностной неповторимости человек освободиться не может в принципе.

В советской литературе 20-х годов воплощением «обезличенного» человека стали «кожаные куртки», «люди – машины» и т. д. Молодёжь Германской демократической республики пробовала повторить образцы подобного рода, увидеть в ригоризме Павки Корчагина («Как закалялась сталь» Н. Островского) нравственно-философский образец. Таковы персонажи романа Германа Канта «Актёрский зал» (1965 г.). Перед нами – студенты рабоче-крестьянского факультета одного из германских университетов. Действие происходит в конце 40-х – начале 50-х годов.

Студенты создают общество по изучению советской культуры, распевая песни революции и гражданской войны: «Разгромили атаманов, разогнали воевод и на Тихом океане свой закончили поход». Комнате общежития, в которой они живут, юные энтузиасты дают название: «Красный Октябрь». Однако, к удивлению этих романтиков, им не удается осуществлять избранные ими теории на практике. К примеру, они приходят к парадоксальному выводу, что милосердие недопустимо для революционного борца. Рассуждения их напоминают мысли коммунистов, представленных в романе А. Платонова «Чевенгур».

Знаменателен эпизод из «Актёрского зала», в котором повествуется о том, что у одного из студентов врачи обнаружили симптомы начинающегося туберкулеза. Товарищи по комнате решили не изолировать его, оставить в комнате, заботиться о неудачнике. Пришедший преподаватель резко критикует такую моральную позицию:

«Разберемся, что происходит? Заболевает студент Рик, пусть не по собственной вине, но заболевает. Случайно, совершенно случайно, как раз у студента Рика нет, оказывается, родного дома. Что же происходит дальше? Товарищи по комнате из мнимой солидарности берут на себя заботу о нём. А результат? Результат следующий: уже не один, а четыре студента, то есть четыре рабочих студента отвлеклись от своей непосредственной и главной задачи и, следовательно, позже, чем намечено, достигнут цели, поставленной перед ними их классом; это, в свою очередь, означает, что класс стал слабее, что он ослаблен. А кто заинтересован в ослаблении рабочего класса?» [3, 123].

Подобный монолог мог бы звучать как проявление сатирического жанра, гротескного преувеличения, если бы суждения подобного рода не встречались в советской литературе 20 – 30-х годов на полном серьёзе. Скажем, слышны они в том же романе Н. Островского «Как закалялась сталь». Жертвенность во имя всеобщего счастья оборачивалась нарушением права индивидуума на жизнь.

Важно подчеркнуть, что студенты всё-таки не оставили заболевшего в комнате «Красный Октябрь», выходили его. Тем самым они невольно доказали сами себе опасность вульгарного социологизма. То есть и в романе «Актёрский зал» руководящей моральной идеей оказываются не большевистские прописи, а извечная реальность архетипа Матери.

Таким образом, противоречивое переплетение исторических судеб немецкого и русского народов оказалось на деле основой общности их нравственно-философских поисков. Симптоматичными представляются, в свете приведённых выше фактов и идей, эпизоды романа А. Толстого «Восемнадцатый год», в которых изображён немецкий солдат – философ с записной книжкой в руках. Он случайно встречается в дороге с Катей Булавиной, а затем – столь же случайно – с Вадимом Роциным. Но случайность эта вовсе «не случайна»: солдат помогает Кате и Вадиму найти друг друга, обрести смысл жизни.

Обращаясь к Кате, солдат говорит: «Мы живём, к несчастью, на стыке двух веков. Один закатывается, великолепный и пышный. Другой рождается в скрежете машин и суровых однообразных фабричных улиц. Имя тому веку человеку масса, человеческая масса, где уничтожены все различия. Человек – это только умные руки, руководящие машинами /.../ Я вас уверяю, что в будущем станут издавать законы против красоты» [3, 445].

Встревоженный монолог незнакомого дорожного спутника, так близко и дружелюбно воспринятый Катей Булавиной, может трактоваться в нашей статье как дефиниция проблемы,

объявленной в названии. Нравственно-философские поиски русской и немецкой литератур, проявляющиеся на самодостаточном уровне, оказались едиными. Обе литературы (каждая по своему) двигались в сторону красоты. Красота в данном случае понимается как гармония между микрокосмом отдельной человеческой души и законами окружающего нас макрокосма. Иных путей у человечества нет и быть не может.

Немецкая и русская литературы XX века искали путь к такой красоте.

1. Владимов Г. Генерал и его армия // Знамя. – 1994. – № 4.
2. Хрестоматия по зарубежной литературе. – М., 1960.
3. Кант Г. Актовый зал. – М., 1968.
4. Толстой А. Хождение по мукам. – М., 1983.

Варич В. Н. (БрГТУ, г. Брест)

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕГЕЛЕВСКОГО АНАЛИЗА ОТЧУЖДЕНИЯ

Рассмотрение различных форм отчуждения является одним из важнейших элементов «Феноменологии духа» Гегеля. Органический сплав глубоких философских обобщений, раскрывающих диалектику фундаментальных начал социума, и конкретных характеристик отдельных исторически узнаваемых форм социальной жизни определяет своеобразие гегелевского анализа. Его смысловое поле задано понятиями «отчуждение», «образование», «язык» (*Die Sprache*), вокруг которых в виде диалектических пар сгруппированы понятия «хорошее – дурное», «государственная власть – богатство», «благородное сознание – низменное сознание», «вера – чистое здравомыслие», «абсолютная свобода – смерть». Понимая социальную действительность как способ существования отчуждённого от себя абсолютного духа, Гегель начинает анализ общественного развития характеристикой индивида, деятельность которого *образует* (созидает) эту отчужденную действительность: «Движение индивидуальности, осуществляющей свое образование, есть ... непосредственное становление её как всеобщей предметной сущности, т. е. становление действительного мира» [1, 264]. Образование индивида, совпадающее с переходом субстанции в действительность, базируется на его отчуждении от себя самого, посредством которого индивид, по выражению Гегеля, согласует себя со всеобщим. Гегель справедливо полагает, что для плодотворного включения в жизнь социума индивид должен, по крайней мере, абстрагироваться от своих особенностей: субстанцией индивида в расколотом на противоположности социальном мире является «дух отчуждения *природного бытия*», а его цель и содержание «принадлежат единственно самой всеобщей сущности и могут быть только некоторым всеобщим...» [1, 264]. Весьма адекватным выражением необходимой принадлежности индивида к одной из конфронтирующих сторон общества, в котором царит всеобщее отчуждение, следует признать гегелевское определение индивидуальности, пытающейся выразить себя как нечто особенное: «...Такая мнимая (*vermeintliche*) индивидуальность есть именно такое наличное бытие, которое только мнится (*das Gemeinte*) и которое не имеет постоянства в том мире, где только то обретает действительность, что отрешается от самого себя и в силу этого есть лишь всеобщее» [1, 264].

Внутренняя противоречивость характеризует также и сознание пребывающего в мире отчуждения индивида. В этом сознании, как показывает Гегель, господствуют два всеобщих начала – «хорошее» и «дурное», отвечающие двум фундаментальным характеристикам любого развивающегося целого: способность сохранять равенство с собой и способность нарушать это равенство, выходя вовне. Соответствующим образом «себе самой равная непосредственная и неизменная сущность есть *хорошее*», а «всеобщее, поскольку оно обрекает себя на жертву и позволяет индивидам заимствовать у него сознание их единичности, есть *дурное*» [1, 266]. Рассмотренные в контексте «Феноменологии духа», данные определения являются необходимой предпосылкой и теоретическим фундаментом всего гегелевского учения об отчуждении духа в действительности и не могли бы вызвать принципиальных возражений, если бы не одно важное обстоятельство: именно *мысли* о хорошем и дурном, отчуждаясь в действительность, становятся действительными и существуют в предметной форме. Данные моменты – государственная власть и «богатство» – в совокупности как раз и являются у Гегеля той субстанцией, которая составляет цель и содержание деятельности отдельной личности в мире взаимного отчуждения.